
АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНДЕРА

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/163-174

Научная статья

© Г. А. Снедков

МАСКУЛИННЫЕ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСЛАНДИИ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008–2011 гг.

В статье рассматриваются наиболее популярные в сознании современных исландцев маскулинные паттерны и образы. Автор показывает, как реформы начала 2000-х гг. в области гендерного законодательства и экономический кризис 2008–2011 гг. способствовали появлению в Исландии новых маскулинных моделей, таких как «заботливый отец», и привели к пересмотру роли более конвенциональных, доминантных гендерных образов, апеллирующих к эпохе викингов. Кризис и новое гендерное законодательство сформировали более инклюзивную среду, на почве которой возникла не одна новая, доминирующая маскулинная модель, а множество не взаимоисключающих маскулинных идентичностей — перекрещивающихся и сосуществующих друг с другом. В работе также рассмотрены основные точки зрения, существующие в антропологической литературе, на проблемы пересечения маскулинного и национального дискурсов в Исландии. Описаны модели, с помощью которых исследователи объясняют возникновение и бытование тех или иных маскулинных образов в исландском обществе. Показано, как эти образы используются в конструировании исландских национальных мифов и современной исландской нации.

Ключевые слова: Исландия, маскулинность, гендер, интерсекциональность, кризис, историография

Ссылка при цитировании: Снедков Г. А. Маскулинные модели в современной Исландии в контексте реформирования гендерного законодательства и экономического кризиса 2008–2011 гг. // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 163–174.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/163-174

Original Article

© Gennady Snedkov

MASCULINE MODELS IN MODERN ICELAND IN THE CONTEXT OF GENDER POLICY REFORM AND THE ECONOMIC CRISIS OF 2008–2011

The article examines the masculine patterns and images that are the most popular among modern Icelanders. The author shows how the reforms in gender legislation in the early 2000s and the economic crisis of 2008–2011 have contributed to the emergence of new masculine models in Iceland, such as the “caring father”, and led to a rethinking of the role of more conventional, dominant gender images which appealed to the Viking Age. The crisis and new gender legislation have created a more inclusive environment, that has contributed to the emergence not of the one new, dominant masculine model, but of many non-mutually exclusive masculine identities that intersect and coexist. The work also touches on the main perspectives that exist in the anthropological literature on the problems of the intersection of masculine and national discourses in Iceland. The models which researchers use to explain the emergence and existence of certain masculine images in Icelandic society are described as well. It is also shown how these images are utilized in the construction of Icelandic national myths and the modern Icelandic nation.

Keywords: *Iceland, masculinity, gender, intersectionality, crisis, historiography.*

Author Info: Snedkov, Gennady A. — Postgraduate Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: jgus@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7797-4271>

For citation: Snedkov, G. A. 2025. Masculine Models in Modern Iceland in the Context of Gender Policy Reform and the Economic Crisis of 2008–2011. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 163–174.

Введение

Гендер обладает глобальным измерением и важен в международном контексте, в котором, словами Дэвида Кёстера, «нации часто представляются в качестве антропоморфных, обладающих человеческими характеристиками, и могут являться действующими лицами в повествовании историков или политологов» (Koester 1995: 573). В то же время гендер имеет значение и для внутренней политики государства: например, с точки зрения контроля за нормами сексуальности в том или ином обществе, в формировании у этого общества самих эталонов (моделей) маскулинности.

В современной истории Исландии было несколько ключевых событий, повлиявших на бытование тех или иных маскулинных моделей в обществе. Прежде всего это принятие новых законов об отпуске по уходу за ребенком в начале 2000-х гг. и экономический кризис 2008–2011 гг.

Т. Торвальдсдоухтир предлагает делить историю развития Исландии с 1970-х и до настоящего времени на следующие периоды, отмеченные дрейфом маскулинного

дискурса (*Þorvaldsdóttir* 2011: 405–406): 1970–1999 гг. — эра женщин (women's/feminist era); 2000–2008 гг. — эпоха маскулинностей/эра тестостерона (era of masculinities, age of testosterone); после 2008 г. — интерсекциональная эра (intersectional era).

Первый период характеризуется, по мнению исследовательницы, определяющим влиянием феминистических движений 1970-х и последующей эмансипацией женщин.

Второй — становлением свободного рынка и интенсивной экономической экспансией, которая осуществлялась банкирами-«бизнес-викингами», использующими в финансовой деятельности агрессивные и рискованные методы, с одной стороны. А с другой стороны — принятием в начале 2000-х гг. ряда новых законов об отпуске по уходу за ребенком и связанным с ними изменением маскулинного дискурса.

Третий период заключается в осознании провала экономических начинаний эры тестостерона, которая наглядно продемонстрировала необходимость перемен — в том числе и в гендерной политике. Показательно, что пост премьер-министра в 2009 г. заняла гомосексуальная женщина шестидесятилетнего возраста Йоуханна Сигурдардоухтир (*Þorvaldsdóttir* 2011: 426–427).

В данной статье рассматриваются два последних периода (т. е. начиная с 2000 г.); показано, как реформы гендерного законодательства начала 2000-х гг. и экономический кризис 2008–2011 гг. способствовали появлению новых маскулинных моделей в Исландии и привели к пересмотру более конвенциональных, доминантных гендерных образов, апеллирующих к эпохе викингов.

Исландское гендерное законодательство начала 2000-х гг.

Исландия является пионером в области правовой защиты материнства и детства (*Gíslason* 2007: 4). Это одно из самых продвинутых в плане гендерного равноправия государств, и уровень трудовой занятости женщин этой страны также очень высок. Вместе с тем высоки для Европы и показатели рождаемости (*Einarsdóttir et al.* 2020: 1).

С 1950-х гг. принимались попытки предоставить женщинам равные возможности на рынке труда, обеспечив их оплачиваемым отпуском после родов сначала на 3 месяца (закон 1954 г.), а затем на 6 месяцев и 12 месяцев (1987 г. и 1989 г. соответственно). В это же время впервые появилась идея «отпуска по отцовству», чтобы мужчины (с согласия женщины) могли взять на себя часть отпускного времени (*Gíslason* 2007: 6–7). Тем не менее до 2000 г. отцы фактически не имели права на собственный родительский отпуск (*Pesonen* 2015: 175). Кроме того, в 1990-е продолжалась критика исландской системы поддержки семей за недостаточное финансирование и краткосрочность отпуска по уходу за ребенком¹. Профсоюзы, женские организации и левые партии выступали за новые реформы в этой сфере (*Gíslason* 2017).

В 1997 г. исландский парламент принял резолюцию о социальной поддержке семей с детьми. Это означало пересмотр старого законодательства. В начале 2000-х гг. начали выходить постановления, реформирующие систему отпусков по уходу за ребенком и увеличивающие размер помощи детям, чьи родители работают или не могут их в достаточной мере обеспечить. Эти меры позволили людям совмещать карьеру и заботу о детях и привели к высочайшему в мире уровню занятости людей детородного возраста. Хотя после того, как в 2008 г. начался экономический кризис, многие программы были на время свернуты (*Jónsson* 2018: 562, 568).

¹ В Исландии такие отпуска были самыми короткими в сравнении с другими скандинавскими странами.

В 2000 г. был принят «Закон об отпуске по беременности и родам и уходу за ребенком» (*Lög um fæðingar- og foreldraorlof*), кардинально поменявший схемы отпусков по уходу за детьми. Закон был призван обеспечить детям равное общение с обоими родителями и предоставить возможность как женщинам, так и мужчинам совмещать работу и семейную (домашнюю) жизнь. Было увеличено время подобных отпусков с 6 до 9 месяцев¹. Оплата составляла 80% от среднего суммарного дохода семьи за месяц (при определенном потолке, который был установлен чуть позднее). Для оплаты был организован фонд, который финансировался из страховых сборов, взимаемых с работодателей (*Gíslason 2007: 11*).

Самым главным новшеством стало предоставление права на такой отпуск не только матери, но и отцу. Время нахождения в отпуске распределялось равномерно (по 3 месяца отцу и 3 месяца матери, а еще 3 месяца — на усмотрение родителей)². Правительство в данном случае ставило целью не только и не столько материально помочь семьям, сколько обеспечить гендерное равенство: показать мужчинам альтернативные гендерные роли и подтолкнуть их к тому, чтобы они тратили больше времени на воспитание детей и домашнее хозяйство (*Jónsson 2018: 571; Pesonen 2015: 174–176*). И подобная политика принесла плоды: если в 2000 г. менее 5% отпусков по уходу за ребенком приходилось на долю мужчин, то уже к 2003 г. их число возросло до 30–35% (при этом большинство отцов — около 90% — брали отпуск), что являлось самым высоким в мире показателем (*Jónsson 2018: 572*). К 2008 г. (т. е. за восемь лет существования закона) 37 000 отцов (более 10% от всего населения) воспользовались отпуском по уходу за ребенком. Отказ же мужчины от подобного отпуска стал расцениваться обществом как странность и нечто неправильное (*Þorvaldsdóttir 2011: 416*). Отметим, что закон распространялся как на гетеро-, так и на гомосексуальные пары (*Pesonen 2015: 177*).

Акт 2000 г. сделал семейный отпуск неотчуждаемым правом каждого родителя. Помимо материальной составляющей, он стал поворотной точкой в обеспечении гендерного равенства как внутри отдельной семьи, так и на рынке труда. Теперь и мать, и отец имели право на подобный отпуск с сохранением дохода и рабочего места (*Gíslason 2007: 30*).

Во время кризиса 2008–2011 гг. правительству пришлось сократить расходы на социальные нужды, в том числе на поддержку семьи и гендерного баланса. Однако уже в 2012 г., когда страна оправилась от экономического падения, отпуск был увеличен до 12 месяцев, пять из которых приходились на мать, пять — на отца, а оставшиеся два месяца делились между родителями на усмотрение семьи (*Pesonen 2015: 175*).

Как верно отмечает Т. Торвальдсдоухтир, государственная политика свидетельствует о сдвиге фокуса в 2000-е гг. от женского к мужскому в проблеме гендерного равенства. При этом идеал «хорошей матери» все ещё преобладает в Исландии, и многие семьи лишь на словах делят поровну обязанности в домашнем обиходе. На деле же это не всегда так, а женщины, которые уступают мужчинам совместный период (последние месяцы отпуска) заботы о ребенке или даже делят этот период

¹ В 2012 г., по выходе из кризиса, суммарное время таких отпусков увеличили до 12 месяцев.

² Срок отпуска для отца увеличивался постепенно: 1 месяц в 2001 г., 2 — в 2002 г. и 3 — в 2003 г. Девять месяцев отпуска могли быть разбиты на несколько сроков в течение 18 месяцев после рождения ребенка.

поровну с мужьями, подвергаются стигматизации (*Þorvaldsdóttir* 2011: 417). Родственники или подруги (особенно старшего возраста) могут упрекнуть женщину в том, что она «пренебрегает своими материнскими обязанностями» и т. п.

Это явление (*stay-at-home stigma*), когда женщина оказывается привязана к дому и отождествляется прежде всего с заботой о семье и домашнем очаге, всё ещё сохраняется в Исландии. Об этом свидетельствуют и некоторые элементы государственной идеологии: например, образ «Горной женщины» (*Mountain woman*) — выращивающей потомство заботливой матери, которая является защитницей национальной идентичности, морали и культуры. Идеологема также подкреплялась государственной политикой, направленной на увеличение рождаемости и значительную поддержку материнства (*Gurðin* 1996: 132–133). Тем не менее, несмотря на все сложности, идеи гендерного равенства и женской эмансипации приобретают все большую популярность в Исландии и являются весомыми составляющими национальной идентичности (*Jóhannsdóttir, Gíslason* 2018: 5).

Экономический кризис 2008–2011 гг.

На 2008 год население Исландии составляло примерно 313 000 чел., из них 180 000 работающих, которые были заняты в сфере услуг (70%), промышленности (20%), рыболовстве и сельском хозяйстве (6%). Морские промыслы традиционно давали свыше 30% ВВП, а продукция рыболовства являлась важнейшим предметом экспорта. Если в 1998 г. на финансовый сектор приходилось лишь 17% ВВП, то на 2006 г. уже 26%. Государство тратило более 20% ВВП на социальные нужды (образование, здравоохранение и т. п.) и имело весьма высокий уровень жизни и ожидаемую продолжительность жизни, занимая пятую строчку по уровню ВВП на душу населения среди стран ОЭСР (*Centonze* 2011: 132).

Кризис 2008–2011 гг. был беспрецедентным и нанес колоссальный ущерб экономике страны. К апрелю 2009 г. ВВП упал на 12%; три крупнейших банка признали банкротство; национальная валюта (исландская крона) девальвировала, потеряв более 35% в отношении к евро, что привело к падению покупательной способности населения; уровень безработицы находился на уровне около 10%¹ — самый высокий показатель в современной истории Исландии (*Jónsson* 2018: 567).

Исландское «экономическое чудо» началось с середины 1990-х гг., когда государство начало проводить экономическую политику по либерализации финансового сектора, привлечению инвестиций и глобальной интеграции. В 1994 г. Исландия присоединилась к Европейской экономической зоне, в 2001 г. — к Шенгенской зоне, а с 1997 г. началась приватизация банков (в том числе трех крупнейших в стране). Местные политики нередко заявляли, что Исландия превратилась в важного игрока на международной арене и скоро станет одним из главных финансовых центров. Общество превозносило новых предпринимателей, ответственных за успех (*Loftsdóttir, Jensen* 2014: 161, 165). Политики, бизнесмены, а вслед за ними и простые граждане начали говорить о наличии у этих предпринимателей особых качеств, которые якобы были унаследованы от первопоселенцев, выживших на необитаемой земле, и объясняют успешность экономической деятельности. Так появлялся миф о «бизнес-викингах», которые на несколько лет стали национальным «лейблом». В официальных

¹ Докризисные значения колебались от 1 до 2 %.

докладах правительства и деловых печатных изданиях исландское население часто напрямую или косвенно отождествляли с викингами, и основной массе людей это нравилось (*Loftsdóttir, Jensen 2014: 166*).

Несмотря на растущую дифференциацию уровня доходов и разницу в образе жизни разных слоев населения, исландцы по-прежнему были убеждены в бесклассовости своего общества. За этим стояла тысячелетняя традиция демократического самоуправления в виде Альтинга (народного собрания). Исландское «бесклассовое» общество противопоставлялось остальному миру и в особенности Дании, бывшей метрополии (*Loftsdóttir, Jensen 2014: 166*).

В то же время исландцы хотели продемонстрировать себя в международном пространстве и во многом поэтому одобряли экономическую политику государства и рискованные действия финансистов. Характеристики, приписываемые бизнесменам и отождествляемые с эпохой викингов и первопоселенцев, начали экстраполировать на все исландское общество (*Loftsdóttir, Jensen 2014: 166–167*). Одними из первых политиков, пошедших на подобный шаг, были премьер-министр Исландии (1991–2004 гг.) Давид Оддссон и президент Исландии (1996–2016 гг.) Олавюр Рагнар Гримссон, которые в своих выступлениях любили похвалить предприимчивых бизнесменов, сделать отсылки к историческому прошлому и сравнить современных исландцев с их далекими предками, намекая на то, что исландцы являются самым сильным и волевым народом на земле (*Einarsdóttir, Pétursdóttir 2017: 50–52*).

Коллапс октября 2008 г. привёл к смене идеологической парадигмы. Изменилось позиционирование нации как внутри страны, так и за ее пределами. Нарратив, связанный с сильными и смелыми «бизнес-викингами», оказался более не востребованным. Общество поспешило обвинить (и не без оснований) этих самых «банкиров-викингов» во всех бедах государства и общества (*Loftsdóttir 2015: 4*).

Большинство исследователей считает, что после кризиса эпоха «сильных маскулинностей» стала сходить на нет (*Þorvaldsdóttir 2011; Loftsdóttir 2015; Einarsdóttir, Pétursdóttir 2017: 52–53*). Однако Т. Эйнарсдоухтир и Г. М. Пйетурсдоухтир вместе с тем отмечают и рост патриархальных тенденций, и реконструкцию гегемонной маскулинности в политике в середине 2010-х гг. (*Einarsdóttir, Pétursdóttir 2017: 54*).

Новые маскулинные модели

Новое законодательство в семейной сфере и кризис 2008–2011 гг. трансформировали маскулинные модели, долгое время определявшие информационное пространство в Исландии. Ключевыми из них были «заботливый отец» и рискующий «бизнес-викинг» (*Þorvaldsdóttir 2011: 405*). Первая своим возникновением обязана «эре феминизма» 1970–1990-х гг., когда на острие общественной дискуссии была проблема гендерного равенства, во многом спровоцировавшая законодательные новшества в этой сфере. Вторая явилась детищем свободной экономики и неолиберальных экономических реформ и стала в основном сходить на нет после кризиса.

«Бизнес-викинг»

«Характер викинга» в обозримом прошлом всегда был одним из ориентиров в создании маскулинного идеала в Исландии. Независимость, сила, трудолюбие, сме-

лость — вот главные составляющие «настоящего мужчины» в этой парадигме. С началом неолиберальных экономических реформ 1990-х гг. эти качества приобрели новое значение: они стали ассоциироваться с предпринимательством и предпринимателями, которые в начале 2000-х гг. добились значительных успехов на экономической ниве и заставили международное сообщество говорить о себе и своей стране. Так появилась в публичном пространстве фигура «*бизнес-викинга*».

Её становление во многом обязано медийным фигурам политиков и бизнесменов. Они объясняли в своих выступлениях экономический успех Исландии, отдельных её компаний и деятелей особым «духом викингов», который якобы связан с наследием давних времен, когда первопоселенцы постоянно противостояли природе и внешним опасностям (*Loftsdóttir* 2015: 12). Примерами таких выступлений служат речь президента О. Р. Гримссона 2006 г., который отмечал влияние исторического прошлого на современные успехи, или выступление бывшего генерального директора компании FL Group Х. Смарасона 2007 г., записавшего бурное развитие экономики на счет особой «духовной энергетики викингов». Показательны и слова исландского министра торговли Б. Г. Сигурдсона, который также соотносил успех Исландии на международной арене с успехом «бизнес-викингов» (*Loftsdóttir* 2015: 9–10).

Эту моду на образы и мифы из прошлого К. Кьяртансдоухтир метко назвала «*новой волной викингов*» (*new Viking wave*). Проанализировав материалы СМИ, устройство культурно-туристического пространства Исландии и выступления отдельных публичных личностей, исследовательница приходит к выводу, что исландское общество очень тематизировано «викингами» и что это используется в формировании маскулинных образов как внутри государства, так и за его пределами. Не без иронии Кьяртансдоухтир отмечает, что такой «социально исключаящий» (в плане гендера или расы) тренд как «*рискующие-викинги*» (*venture-Vikings*) находит дальнейшее развитие в исландском «обществе равенства». Причины этого исследовательница видит в тех способах конструирования («воображения») исландской нации, которые использовались на протяжении десятилетий и всё ещё продолжают использоваться (*Kjartansdóttir* 2011: 475–477).

Подобным же конструктивистским подходом в изводе Б. Андерсона (*Anderson* 1983) пользуется А.-С. Н. Гремауд, которая усматривает в «экспансии викингов» ещё и колониальный подтекст, а именно — борьбу за политическую и культурную независимость от бывшей метрополии, Дании (*Gremaud* 2010).

К. Лофтсдоухтир тоже связывает возникновение маскулинного образа «викингов» с позиционированием исландской нации в международном и внутригосударственном пространстве (*Loftsdóttir* 2010). Однако в первую очередь она видит предпосылки в докризисном (2000-е гг.) расцвете предпринимательской и финансовой деятельности в Исландии, который Лофтсдоухтир окрестила «*обществом риска*» (*'risk' society*). Неолиберальная повестка, по её мнению, способствовала распространению этого маскулинного имиджа в исландском обществе. Как и Кьяртансдоухтир, Лофтсдоухтир описывает сложившийся дискурс с помощью понятия «*бизнес-викинг*» (*Loftsdóttir, Jensen* 2014: 174–175)¹.

¹ Отмечу, что слово викинг (*víkingur*) в исландском языке имеет мужской род — как грамматически, так и в культурном плане, будучи отнесенным к бизнесменам-финансистам (мужчинам). То есть и здесь мы наблюдаем картину исключения по гендерному признаку и притязания на гегемонию.

С другого ракурса смотрят на проблему Эйнарсдоухтир и Пьетурсдоухтир. Используя концепцию «гегемонной маскулинности» Р. В. Коннелл, они показывают, как маскулинность ассоциируется с теми, кто контролирует основные общественные институты — политиками, медийными фигурами, предпринимателями. В этом ключе исследователи рассматривают и кризис 2008–2011 гг. По их мнению, фиаско «бизнес-викингов» ознаменовало конец «эпохи сильных маскулинностей», которую исследователи описывают через понятия «средневековые викинги», «молодые викинги-предприниматели», «дух викингов», взятые из первоисточников¹ (*Einarsdóttir, Pétursdóttir* 2017: 48–50).

Такого же мнения придерживается и Т. Торвальдсдоухтир, чья периодизация «гендерных эпох» дана в начале статьи. Исследовательница апеллирует к понятиям «бизнес-викинги» и «капитализм викингов» и называет 2000-е «эрой маскулинностей» или «эпохой тестостерона», противопоставляя гегемонные мужские образы докризисному феминизму и посткризисной гендерной неопределенности. Торвальдсдоухтир считает, что после экономического краха образ «нации викингов» (*Viking nation*) стал утрачивать свою силу. Хотя говорить об окончательном уходе фигуры викинга было бы неверным (*Þorvaldsdóttir* 2011: 422).

Надо отметить, что агрессивные, гегемонные образы сосуществовали на протяжении 2000 гг. с более инклюзивными, которые не стали подчиняться одной главенствующей модели «бизнес-викинга», а после кризиса и краха последней заняли лидирующую позицию в исландском общественном сознании. Ключевым образом стал «заботливый отец», который и по сей день остается универсальной скрепой всевозможных маскулинных моделей и прекрасно встраивается в скандинавскую парадигму гендерного равенства.

«Заботливый отец»

Важнейшим элементом современной исландской маскулинности является представление о «заботливом отце», который всесторонне вовлечен в семейную жизнь. Этот конструкт базируется на имидже «порядочного, скромного» (*decent*) скандинавского мужчины (*Þorvaldsdóttir* 2011: 415), который проник в публичное пространство и набрал популярность в Исландии и за её пределами в эпоху преобразований 2000-х гг. в сфере гендерного равенства. Решающее значение имел закон 2000 г.: он не только предоставил мужчинам и женщинам более равные возможности на рынке рабочей силы, но также способствовал дальнейшему разделению труда между супругами (*Arnalds et al.* 2013: 323). За десять лет (с 2001 по 2011 гг.) резко возросло число отцов, использующих право на отпуск. Пользоваться им и уделять больше времени детям стало нормой для мужского населения, а домашние обязанности и, что самое главное, уход за детьми перестали быть прерогативой женщины (матери)². Отец стал органичной частью семьи, основанной на идеалах гендерного равенства (*Arnalds et al.* 2013: 328).

И. В. Гисласон предполагает, что отцы мало участвовали в жизни своих детей и традиционно «женских» занятиях не потому, что у них отсутствовали желание или

¹ СМИ, речи политиков и бизнесменов, о которых я упоминал выше.

² Это подтверждают и данные количественной социологии, собранные Арнальдсом, Йидал и Гисласоном. Сравнив продолжительность временных промежутков, когда отец и мать ухаживают за ребенком совместно или раздельно для рожденных в 1997 г., 2003 г. и 2009 г. детей, они увидели положительную динамику от исключительно материнского ухода к увеличению роли отца и к равному распределению обязанностей по уходу в большинстве семей. Исландские отцы теперь обладают правом на самый длительный в мире отпуск по уходу за ребенком.

интерес, а потому, что у них не было для этого социальных возможностей (*Gíslason* 2017). После того, как эти возможности были предоставлены законом 2000 г. и другими государственными мерами, ситуация стала меняться. На основании социологических опросов и интервью с десятью исландскими отцами, Гисласон показал, что реакция общества на реформы семейного законодательства и их последствия по большей части положительна (*Gíslason* 2017: 150, 155). Исследователь пришел к выводу, что мужчины поддерживают инициативы по дальнейшему расширению гендерного проекта в Исландии и охотно выполняют возложенные на них обязанности. И что самое главное — подобную деятельность никто не считает чем-то зазорным для мужчины, а, напротив, вполне нормальным и маскулинным (*Gíslason* 2017: 160).

Тем не менее тот же Гисласон в более раннем своем исследовании отмечал, что несмотря на положительную динамику уровня гендерного равенства и позитивное восприятие перемен в обществе, исландцы по-прежнему очень крепко держались за традиционные представления о гендерных ролях в семье, а именно о мужчине как «добытчике» и женщине как «хранительнице очага» (*Gíslason* 2007: 30). Это подтверждает и совместное исследование Гисласона и С. Симонардоухтир, в котором исследователи демонстрируют зависимость исландского общественного мнения от дискурса так называемого интенсивного материнства, который отводит именно женщине (матери) центральное место в воспитании детей и исключает мужчину (отца), превознося материнство над отцовством (*Gíslason, Simonardóttir* 2018: 457, 463–464).

Этот дискурс, по их мнению, напрямую противоречит политике государства в области гендерного равенства (*Gíslason, Simonardóttir* 2018: 457, 463–464). То есть можно говорить о достаточно поверхностном восприятии модели «заботливого отца» или скорее о ее наложении на конвенциональные шаблоны. Получается, что эта идентичность перекрещивается с более традиционными вариантами как в сознании отдельных индивидов, так и в публичном дискурсе.

В то же время стоит отметить, что модель «заботливого отца» в силу своей инклюзивности и толерантности, которые позволяют ей накладываться на другие модели, имеет большую витальность и более широкое распространение среди простых исландцев. И эта инклюзивная толерантность легко вписывается в маскулинный контекст современной Исландии.

Множественность маскулинных идентичностей

Маскулинность в 2000-е гг. ассоциировалась с властью и доминирующим положением в обществе — с топ-менеджерами, политиками, медийными личностями — то есть теми, кто обладает в глазах людей качествами, приписываемыми викингам. Тем не менее образ «заботливого отца» и «примерного мужчины», который в последнее время становится все более популярным в Исландии, дополнял образ «бизнес-викинга», а отчасти и конкурировал с ним. Этому не в последнюю очередь способствовали реформы семейного законодательства и последствия кризиса в информационной сфере: утрата доминирующего положения «бизнес-викингами» освободила место для других маскулинных моделей.

Моделям, которые пришли (приходят) на смену ушедшим, посвящено крайне мало работ. Исключением является исследование (*Jóhannsdóttir, Gíslason* 2018) Йоухансдоухтир и Гисласона, которые, опросив молодых студентов-мужчин в Рейкьявике, опи-

сали их представления о маскулинности и попытались выявить некий общественный идеал, распространённый в представлениях исландцев во второй половине 2010-х гг.

Исследователи отмечают, что молодые люди сегодня сталкиваются с совершенно иной реальностью, нежели их родители, и находятся в поиске иных способов идентификации самих себя как мужчин. Опрошенные находились под мощным влиянием феминистического дискурса и в основном одобряли изменения в законодательстве, касающиеся гендерного равенства и прав сексуальных меньшинств. Они одобряли стремление женщин трудиться во всех сферах наравне с мужчинами, хотя в то же время выражали неуверенность насчёт пошатнувшегося положения мужчин в современном мире (*Jóhannsdóttir, Gíslason 2018: 15*).

Все информанты разделяли чувство двойственности в отношении собственной маскулинности: с одной стороны, они ощущали груз ответственности, возлагаемый традиционными представлениями о том, каким должен быть мужчина; с другой, молодые люди радовались тому, что теперь могут свободнее выражать собственные эмоции, быть более раскованными в отношениях с друзьями и семьёй (*Jóhannsdóttir, Gíslason 2018: 15*).

Подобная двойственность, по мнению Йоуханнсдоухтир и Гисласона, наблюдается и в отношении гомосексуалов. Как отметил один из опрошенных, никто из его знакомых не высказывает гомофобских убеждений, однако в повседневном опыте — в межличностных отношениях, мужских сообществах — бытовая (латентная) гомофобия все ещё очень сильна. Об этом свидетельствует, например, набор ругательств, предполагающих стигматизацию гомосексуальных личностей. Кроме того, информанты отмечали, что одним из сильнейших комплексов в подобных мужских группах является боязнь быть отождествленным с гомосексуальностью. Иными словами, гомофобия по-прежнему используется в качестве «шкалы» и меры в оценке маскулинности индивида или целой группы. В то же время стоит отметить, что молодые люди стараются дистанцироваться от этого и называют подобные явления чем-то вроде шутки. Они хотят отдалиться от ценностей традиционной (гегемонной) маскулинности и описывают себя как «современных мужчин» (*Jóhannsdóttir, Gíslason 2018: 16*). Это вполне соответствует моделям «заботливого отца» и «порядочного, скромного мужчины», о которых говорилось ранее. Вместе с тем новое поколение избегает ассоциации и с моделью маскулинности «викинга», так как традиционные ценности в этой сфере многим теперь кажутся чем-то чужеродным.

Тем не менее, если взглянуть на гендерную проблему с другого ракурса — допустим, со стороны бизнес-элит, как это сделали в своем исследовании Т. Эйнарсдоухтир, Г. Л. Рапнсдоухтир, М. С. Сигурдардоухтир и М. Т. Торфасон, мы обнаружим, что Исландия едва ли может назвать себя обществом абсолютного равенства. Дело в том, что в среде топ-менеджеров и директоров компаний весьма значительны отношения патронажа и дружеской взаимовыручки. Подобные отношения почти всегда исключают женщин¹ (то есть предполагают связь мужчина-мужчина). Дискриминация по половому признаку в купе с общим предвзятым отношением к женщинам (особенно на руководящих постах) делают продвижение последних по карьерной лестнице, когда речь заходит о высшей иерархии компании, практически невозможным — даже несмотря на попытки государственного вмешательства (*Einarsdóttir T. et al. 2020: 2, 10–11*).

¹ Причины такого «исключения» исследователи видят в отсутствии у женщин «внутригрупповой идентичности» (in-group identity) топ-менеджеров, которая предполагает готовность пойти на все ради достижения своей цели, ценит силу и её демонстрацию.

Таким образом, мы имеем дело с гегемонной моделью, которая спаяна с властью и доминированием в конкретной группе и отнюдь не изжила себя после кризиса. Впрочем, это характерно лишь для очень узкой группы бизнес-элит, в то время как для большинства населения актуален куда более эгалитарный дискурс.

В первые два десятилетия XXI века в Исландии сложилось общественное мнение, настроенное позитивно в отношении идей равенства полов и сексуальных меньшинств. Результатами кризиса, с одной стороны, и политики государства, с другой, стало постепенное вытеснение из публичной сферы гегемонной маскулинности «бизнес-викингов», последовавшее за неудачной попыткой её симбиоза с другими моделями в 2000-е гг. Образ «заботливого отца», напротив, продолжил набирать вес в общественном сознании. При этом назвать какую-либо одну преобладающую в современной Исландии маскулинную модель вряд ли возможно. Представляется более верным говорить о сформировавшейся в стране толерантной маскулинной среде, которая способствует множественности идентичностей и эклектизму моделей как на личностном, так и на государственном уровне.

Научная литература

- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. 240 p.
- Arnalds A. A., Eydal G. B., Gíslason I. V.* Equal Rights to Paid Parental Leave and Caring Fathers — the Case of Iceland // *Icelandic Review of Politics and Administration*. 2013. Vol. 9. № 2. P. 323–344. <http://dx.doi.org/10.13177/irpa.a.2013.9.2.4>
- Centonze A. L.* Iceland's Financial Meltdown // *Journal of Financial Education*. 2011. Vol. 37. № 1/2. P. 131–166. <https://www.jstor.org/stable/41948662>
- Einarsdóttir T., Pétursdóttir G. M.* Well-earned Respectability or Legitimation of Masculinities? Powerful and Publicly Celebrated Men in Pre- and Post-Collapse Iceland // *Women's Studies International Forum*. 2017. № 61. P. 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2017.02.001>
- Einarsdóttir T., Rafnsdóttir G. L., Sigurdardóttir M. S., Torfason M. T.* Networks, Homogeneity and Gender in Icelandic Business Elites // *Scandinavian Journal of Management*. 2020. № 36. P. 17–60. <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2019.101091>
- Gíslason I. V.* Fathers on Leave Alone in Iceland: Normal Paternal Behavior? // *Comparative Perspectives on Work-Life Balance and Gender Equality*. Fathers on Leave Alone, O'Brien, M. and K. Wall (eds.). Springer Open, 2017. P. 147–162. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42970-0_9
- Gíslason I. V.* Parental Leave in Iceland: Bringing the Fathers in. Developments in the Wake of New Legislation in 2000. Akureyri: Jafnréttisstofa, 2007. 35 p.
- Gíslason I. V., Simonardóttir S.* Mothering and Gender Equality in Iceland: Irreconcilable Opposites? // *Social Policy & Society*. 2018. Vol. 17, № 3. P. 1–10. <https://doi.org/10.1017/S1474746417000525>
- Gremaud A.-S. N.* The Vikings are Coming! A Modern Icelandic Self-image in the Light of the Economic Crisis // *Nordeuropa forum* 20. 2010. Vol. 1. № 2. P. 87–106. <https://doi.org/10.18452/8040>
- Jóhannsdóttir A., Gíslason I. V.* Young Icelandic Men's Perception of Masculinities // *Journal of Men's Studies*. 2018. Vol. 26. № 1. P. 3–19. <https://doi.org/10.1177/1060826517711161>
- Jónsson A. K.* Family Policies, Childbearing, and Economic Crisis: The Case of Iceland // *Demographic Research*. 2018. Vol. 39. P. 561–592. <https://www.jstor.org/stable/26585340>
- Koester D.* Gender Ideology and Nationalism in the Culture and Politics of Iceland // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22. № 3. P. 55–63. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.3.02a00060>
- Loftsdóttir K., Jensen L.* Crisis in the Nordic Nations and Beyond. London: Ashgate, 2014. 188 p.
- Loftsdóttir K.* Loss of Innocence: The Icelandic Financial Crisis and Colonial Past // *Anthropology Today*. 2010. Vol. 26. № 6. P. 9–13. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2010.00769.x>
- Loftsdóttir K.* Vikings Invade Present-Day Iceland // *Gambling Debt: Iceland's Rise and Fall in*

the Global Economy / ed. by E. P. Durrenberger and G. Palsson. Denver: University Press of Colorado, 2014. P. 3–14.

Pesonen A. Encouraging Work-Family Balance to Correct Gender Imbalance: A Comparison of the Family and Medical Leave Act and The Iceland Act on Maternity/Paternity and Parental Leave // *Houston Journal of International Law*. 2015. Vol. 37, № 1. P. 157–196.

Porvaldsdóttir T. The Gender-Equal North: Icelandic Images of Femininity and Masculinity // *Iceland and Images of the North* / ed. by S. R. Ísleifsson, D. Chartier. Québec: Presses de l'Université du Québec, "Droit au Pôle" series, and Reykjavík: Reykjavíkur Akadēmían. 2011. P. 405–434.

References

Anderson, B. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 240 p.

Arnalds, A. A., G. B. Eydal, and I. V. Gíslason. 2013. Equal Rights to Paid Parental Leave and Caring Fathers — the Case of Iceland. *Icelandic Review of Politics and Administration* 9(2): 323–344. <http://dx.doi.org/10.13177/irpa.a.2013.9.2.4>

Centonze, A. L. 2011. Iceland's Financial Meltdown. *Journal of Financial Education* 37(1/2): 131–166. <https://www.jstor.org/stable/41948662>

Einarsdóttir, T., and G. M. Pétursdóttir. 2017. Well-earned Respectability or Legitimation of Masculinities? Powerful and Publicly Celebrated Men in Pre- and Post-Collapse Iceland. *Women's Studies International Forum* 61: 48–57. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2017.02.001>

Einarsdóttir, T., G. L. Rafnsdóttir, M. S. Sigurdardóttir, and M. T. Torfason. 2020. Networks, Homogeneity and Gender in Icelandic Business Elites. *Scandinavian Journal of Management* 36: 17–60. <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2019.101091>

Gíslason, I. V. 2017. Fathers on Leave Alone in Iceland: Normal Paternal Behavior? In *Comparative Perspectives on Work-Life Balance and Gender Equality. Fathers on Leave Alone*, ed. by O'Brien, M. and K. Wall. Springer Open. 147–162. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42970-0_9

Gíslason, I. V. 2007. *Parental Leave in Iceland: Bringing the Fathers in. Developments in the Wake of New Legislation in 2000*. Akureyri: Jafnréttisstofa. 35 p.

Gíslason, I. V., and S. Simonardóttir. 2018. Mothering and Gender Equality in Iceland: Irreconcilable Opposites? *Social Policy & Society* 17(3): 1–10. <https://doi.org/10.1017/S1474746417000525>

Gremaud, A.-S. N. 2010. The Vikings are Coming! A Modern Icelandic Self-image in the Light of the Economic Crisis. *Nordeuropa forum* 20 1(2): 87–106. <https://doi.org/10.18452/8040>

Jóhannsdóttir, A., and I. V. Gíslason. 2018. Young Icelandic Men's Perception of Masculinities. *Journal of Men's Studies* 26(1): 3–19. <https://doi.org/10.1177/1060826517711161>

Jónsson, A. K. 2018. Family Policies, Childbearing, and Economic Crisis: The Case of Iceland. *Demographic Research* 39: 561–592. <https://www.jstor.org/stable/26585340>

Koester, D. 1995. Gender Ideology and Nationalism in the Culture and Politics of Iceland. *American Ethnologist* 22(3): 55–63.

Loftsdóttir, K., and L. Jensen. 2014. *Crisis in the Nordic Nations and Beyond*. London: Ashgate. 188 p.

Loftsdóttir, K. 2010. Loss of Innocence: The Icelandic Financial Crisis and Colonial Past. *Anthropology Today* 26(6): 9–13. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8322.2010.00769.x>

Loftsdóttir, K. 2014. Vikings Invade Present-Day Iceland. In *Gambling Debt: Iceland's Rise and Fall in the Global Economy*, ed. by E. P. Durrenberger and G. Palsson. Denver: University Press of Colorado. 3–14.

Pesonen, A. 2015. Encouraging Work-Family Balance to Correct Gender Imbalance: A Comparison of the Family and Medical Leave Act and The Iceland Act on Maternity/Paternity and Parental Leave. *Houston Journal of International Law* 37(1): 157–196.

Porvaldsdóttir, T. 2011. The Gender-Equal North: Icelandic Images of Femininity and Masculinity. In *Iceland and Images of the North*, ed. by S. R. Ísleifsson, D. Chartier. Québec: Presses de l'Université du Québec, "Droit au Pôle" series, and Reykjavík: Reykjavíkur Akadēmían. P. 405–434.